

*Моя первая книга посвящается моим родителям.
Их присутствие на этих страницах не может
быть передано словами. Они произвели меня
на свет, и эта книга также принадлежит им.*

Слова благодарности

Благодарю Вас, Шейла. Вы не были впечатлены мои изначальным видением книги и ограничились лишь напоминанием о мотивациях, которые двигали мной при поступлении в Чикагский университет и о которых я забыл по мере погружения в исследовательскую область. Однако туман рассеялся; новая идея для книги была поддержана Вами. И когда распахнулись ворота архивов Министерства иностранных дел, Вы одобрили наскоро скорректированный план работы. Вы продемонстрировали веру в мои силы и интересы, и диссертация, которая легла в основу этой книги, во многом обязана сочетанию постоянства и гибкости, сделавшему Вас одним из лучших консультантов в этой области. Позже, во время предпринятой с целью превращения диссертации в монографию поездки в Москву, Вы порекомендовали мне несколько прекрасных источников, которые помогли мне в работе над этой книгой. Ее содержание, пожалуй, вышло за пределы привычного Вам исследовательского поля. Я несу персональную ответственность за невзвешенные утверждения, идущий вразрез с вашим научным этосом воинственный тон и ошибки. Но то, что эта книга может оказаться полезна нашим коллегам и обычным читателям, это по большей части заслуга Вашего руководства. Благодарю Вас.

Перед моими товарищами из чикагской группы я тоже в большом долгу. В течение многих лет мы обсуждали работы друг друга в университетских аудиториях и барах, во время прогулок и еды. Дать друг другу конструктивные советы по улучшению работы мы могли не всегда, но, я полагаю, сам обмен идеями помогал нам поддерживать постоянный интеллектуальный тонус. Обсуждение бесконечного числа вопросов, касающихся совет-

ской действительности, отдавалось эхом в моем мозгу, находя выход в аргументах, выражениях, риторических приемах, которые я демонстрирую в книге. Конечно, моя интуиция не является определяющим фактором, способствовавшим появлению книги. Стейси Мэнли, Андрей Шляхтер, Кен Ро, Майкл Уэстрен, Энди Янко, Ке-чин Ся, Ми Накачи, Бен Зайчек, Эд Кон, Дженнифер Амос, Алан Баренберг, Джулия Фейн, Рэйчел Эпплбаум, Джули Башкина, Лия Голдман, Флора Робертс и Натали Бельски, ваши сильные стороны — трудовая этика, интерес к истории и опыту Советского Союза, навыки архивной экспертизы — стали примером, подражать которому я стремился; спасибо вам всем за дружескую атмосферу в Чикаго. Я особенно благодарен судьбе за то, что мне довелось встретиться с одним из многих талантливых студентов Чикагского университета — Эндрю Слойном. Эндрю, не так давно я перечитал Ваше первое письмо. Вы отправили мне свои комментарии по поводу какой-то главы, возможно первой, моей диссертации. Сейчас я уже не могу вспомнить о том, как они мной были восприняты — вероятно, показались мне неуместными и несколько эксцентричными. По мере повторного прочтения письма мое смущение росло. Многие из основных аргументов книги, над которыми велась усиленная работа, присутствовали в Вашем электронном письме в явной или зачаточной форме. В работе над книгой я каким-то подсознательным образом стремился к представленному в первом письме видению главы, вероятно, потому, что ему было придано большее значение по сравнению с множеством сортов пива и электронных писем, которыми мы позже делились и обменивались.

В Чикаго мне довелось познакомиться с еще тремя людьми, которые по сей день продолжают определять мою академическую идентичность и след общения с которыми можно обнаружить в этой книге. Покойный Ричард Хелли часто склонялся к идеям, которых я не разделял, но он был выдающимся учителем. Он был грубым, иногда прибегающим к провокациям человеком, чьи похвалы были столь же неохотными, сколь и воодушевляющими. Ричард Хелли был образцом для подражания — идеальным коллегой, на которого я по сей день хочу походить. Рональд Су-

ни — последний из изучающей российско-советскую историю замечательной чикагской команды, кого я не упомянул. Рон, с Вашими способностями к оценке и улучшению аргументации сложно соперничать, но одно только наблюдение за Вашей работой на семинарах в Чикаго и во время частных консультаций уже много значило для моего интеллектуального развития. Не менее значимыми были советы Брюса Камингса. Брюс, я помню Ваши комментарии, непринужденные и вместе с тем всегда обоснованные. Возможная интеллектуальная ценность этой книги во многом обязана моему знакомству с Вашими идеями. При повторном прочтении Ваших работ я испытываю удовольствие, которое не могу до конца объяснить себе самому. Эта книга, конечно, не дотягивает до стандартов, предъявляемых Вами к хорошему письму, но я принял Ваш символ веры, и то литературное удовольствие, которое она может принести, объясняется тем, что я следовал Вашему примеру.

Брюс Камингс — специалист в области международной политической экономики (МПЭ); характерной чертой этого направления является общий подход к пониманию власти и международных отношений, практически не оспариваемый политологами, но необоснованно трактуемый консервативным крылом историков, занимающихся холодной войной, как марксистский «ревизионизм» и «экономический детерминизм». Если Брюс бросил семена, Омар, брат мой, ты провел меня через заросли МПЭ. Твоя помощь в вычитке, критике и улучшении работы неоценима. Как и наша сестра Оливия, ты направлял меня с незапамятных времен и продолжаешь это делать. Без твоего участия не было бы никакого нового плана книги, который могла бы поддержать Шейла Фицпатрик, или продолжения, в которое она могла бы поверить; эта книга, возможно, не была бы написана, если бы не ты, или она могла бы быть чем-то совсем другим, и, безусловно, менее интересным.

Не только моя собственная семья или чикагские друзья и коллеги оказывали мне моральную и интеллектуальную поддержку. От Элизабет Макгвайр я мог получить и то и другое. В моменты пика интеллектуального одиночества Вы, как по волшебству,

появлялись, чтобы организовывать аудиторию в десять тысяч человек или дать стимулирующую критическую оценку. В последний раз Вы совершили чудо, предоставив рецензию на диссертацию (за которую я также благодарю редакторов соответствующего веб-сайта) как раз в тот момент, когда я предпринял последний рывок к завершению книги. Благодарю Вас за это. Бен Лоринг, Бриджид О'Киф, Бен Сойер, Келли Колар и другие время от времени обсуждали со мной связанные с советской действительностью и не только вопросы уже после защиты диссертации — чтобы убедиться, насколько я далеко ушел, — и в этом состояло обнадеживающее продолжение. Стив Мэддокс, Кристиан Тайхманн, Джош Сэнборн, Джесси Феррис, Арч Гетти, Шон Гиллори, Майя Хабер, Грег Квеберг, Алекс Оберлендер, Кристоф Гамб и многие другие, кто собирался в Москве каждую пятницу вечером в тот период, когда я проводил там критически важную часть исследования для этой книги, благодарю вас за компанию и общение.

В ходе работы над книгой я пользовался финансовой и инфраструктурной поддержкой со стороны множества институций. Стипендия Фулбрайта — Хейса и неожиданно выигранная стипендия Международного совета по научным исследованиям и обменов (IREX) позволили мне работать над первоначальным вариантом диссертации. В итоге получился текст, сильно отошедший от изначального замысла, который я представил стипендиальным комиссиям, за что не переставал чувствовать себя отчасти виноватым, особенно с учетом того, что новая тема, которую раскрывает эта книга, никогда не находила того же восторженного отклика, что и предыдущая, посвященная советско-кубинским отношениям. Вернувшись в Чикаго, я выиграл стипендию попечителей Чикагского университета, позволившую мне написать большую часть диссертации. Сотрудники Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), а также работники Библиотеки Ламонта Гарвардского университета и Джун Фаррис, работающая в библиотеке Чикагского университета, всегда

оказывали мне квалифицированную помощь. И хоть ни одно учреждение не считало эту тему достойной дополнительной поддержки, моя работа в конце концов была отмечена премией Такера — Коэна Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES); я всегда буду благодарен комиссии 2010 года, особенно ее председателю Льюису Сигельбауму, за моральную поддержку и оказанное мне доверие. Некоторое время спустя, находясь в чудесной Польше, я переработал первоначальный вариант книги. Выражаю благодарность Анджею Камински и Джиму Коллинзу за приглашение на конференцию «Восстановление забытой истории: образ Восточной и Центральной Европы в англосаксонских учебниках», сотрудникам Университета Лазарского — за безупречную организацию и урок гостеприимства, а также Дарье Наленч и Анджею Новаку — за то, что нашли в своем плотном графике время для вычитки и критики первоначального варианта книги. В 2011 году на обратном пути в Москву я познакомился с сотрудником Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), которому я также многим обязан. Деньги на упомянутую поездку были предоставлены щедрым Университетом Макао. Я должен особенно поблагодарить его сотрудника Тима Симпсона за неоценимую помощь в своевременном получении средств.

Кай, тебе никогда особо не нравилась эта книга, не так ли? К тому времени, когда у тебя появится мысль прочитать ее, изложенные в ней идеи устареют. Вне зависимости от своей полезности она запомнится, если вообще запомнится, тем, что в ней было упущено или сделано не так. Кай, работа над этой книгой отдалила меня от тебя, и другие проекты в будущем сделают то же самое. Они также не позволят проводить с твоим братом Лукой (еще не рожденным, но собирающимся появиться на свет до выхода этой книги) столько времени, сколько я бы хотел проводить. Кай, не сердись. Я должен проложить путь, и эта книга его начало. Я не знаю, к чему приведет инициированная ей дискуссия, Кай, но на данный момент она является частью проекта по освещению остающихся в тени сюжетов, который позво-

лил бы вам жить в более безопасном мире. Твоя мама также хочет, чтобы ты проявил благоразумие. Она пожертвовала больше, чем кто-либо другой, внося свой вклад, и этот проект, наряду с другими, в такой же степени ее, как и мой. Кай, не сердись. Я надеюсь, что однажды ты тоже присоединишься к обсуждению. Его формы многочисленны и разнообразны, и ты сможешь выбрать свою. До того дня мы с твоей мамой будем разговаривать с тобой и Лукой, а также со многими тысячами, вместе с которыми мы прокладываем дорогу. Спасибо тебе за это.

Введение

Лоренцо путешествовал налегке. Этот знакомый с крайней нуждой молодой человек был выслан из Испании во Францию и ехал в идущем на Восток поезде, взяв с собой несколько рубашек, легкую куртку, присланную матерью из Испании резиновую обувь, а также самую ценную для него вещь — вырезку из газеты *Le Monde*, бережно хранившуюся в кармане. Было начало 1963 года, в Европу пришли холода. Упомянутый молодой человек, которому еще не исполнилось двадцати лет, был представителем испанской коммунистической студенческой организации (по-испански FUDE), не являясь при этом студентом. Конечно, он получил образование, изучая книги Карла Маркса, однако учебным заведением для него стало исправительное учреждение для политических преступников. Освоение марксизма у Лоренцо проходило в условиях постоянного психологического давления. Он попал в тюрьму как антифранкист, а вышел из нее и отправился в изгнание убежденным коммунистом. Его путь лежал через железный занавес в Варшаву — место проведения собрания Международного союза студентов. Сотни представителей этого союза со всей Европы должны были встретиться с министром иностранных дел Польши в Дворце культуры и науки, в мозолящем глаза здании, вызывающем ассоциации со старой Варшавской цитаделью, символизировавшей власть России над Польшей 100 лет назад. План Лоренцо состоял в том, чтобы достать вырезку из газеты *Le Monde* прямо на встрече.

Коммунистический блок его разочаровал. Пересекая границу с Восточным Берлином, еще совсем недавно обнесенную длинной стеной, Лоренцо отметил множество пулеметов, занимающих пространство вокруг станции. Его польская попутчица, пожилая

учительница французского языка, возвращающаяся домой, после пересечения границы примолкла. По прибытии в Варшаву она обратилась к Лоренцо вновь. Попутчица порекомендовала ему не менять французские франки у официального лица в поезде. «Он вор, — пояснила она, — ты можешь получить на улице в четыре раза больше золотых». Лоренцо посчитал ее реакционеркой и буржуазной особой, но тем не менее поменял в поезде лишь небольшую часть своего скудного богатства, а затем обнаружил, что его попутчица была совершенно права.

В варшавском студенческом общежитии Лоренцо познакомился с дежурной, которая не стеснялась во время обхода этажей входить в комнаты, где местные студентки общались с иностранцами. Он заметил, что в коммунистической Польше почти столько же церквей, сколько и во франкистской Испании, и их посещало большее количество прихожан. Если бы человеку будущего суждено было родиться в этих условиях, то в его образе можно бы было уловить черты типичного самодовольного божьего человека, так хорошо известного Лоренцо по своему испанскому прошлому, — того, кто преподавал в католических школах, видел в образовании проклятие и распределял столь многих одноклассников Лоренцо по комнатам, закрытым для любой дежурной.

Более теплый прием, который скорее соответствовал бы сложившемуся у него образу коммунистического блока, мог бы успокоить испанского коммуниста и заставить держать себя в руках во время встречи с польским министром иностранных дел. Но этого не произошло, и Лоренцо чувствовал себя увереннее, чем когда-либо. Он был обязан продемонстрировать статью из газеты *Le Monde* — свое неопровержимое доказательство — и потребовать ответов. О чем была эта статья? Она была посвящена ничем не примечательной истории торговли. В течение года Польша продавала уголь Испании. В конце концов, твердая валюта, как Лоренцо уже убедился сам, очень ценится в коммунистическом блоке. Казалось, в газетной информации нет ничего компрометирующего: речь шла о привычном коммерческом обмене, выгодоприобретателем которого являлись коммунисти-

ческие чиновники. Но для Лоренцо и его товарищей, находящихся в изгнании, действия Коммунистической партии Польши были актом вопиющего предательства.

Центром антифранкистской агитации в Испании были угольные шахты северного региона Астурия. Весной 1962 года шахтеры этого горного района с сильно пересеченной местностью устроили массовую забастовку, и высланные из страны испанские коммунисты их всячески поддерживали. Лоренцо и его товарищи вынуждены были предпринимать тайные поездки в Испанию, рискуя попасть в тюрьму, если не хуже. Забастовки непокорных и отважных астурийцев вызвали волну протестных настроений по всей стране. Эта волна в конце концов расшатала режим и заложила фундамент новой Испании, в которой рабочие получили право на создание собственных организаций и проведение забастовок. Не будет большим преувеличением сказать, что угольные забастовки 1962 года возвестили о конце сформировавшейся в межвоенную эпоху франкистской Испании, и этот год стал годом зарождения в Испании общественного движения, которое завершилось после смерти Франко в 1975 году формированием нового европейского социал-демократического режима; во всем этом не было никакой заслуги Польской коммунистической партии.

В Дворце культуры и науки Лоренцо дождался конца выступления министра и взял слово. Сначала тяжелый ком, подступивший к горлу, не позволил ему говорить. Преодолев волнение и энергично размахивая придававшей ему силы вырезкой из газеты, испанский коммунист изложил суть статьи. Он хотел узнать причины, по которым польские коммунисты противодействовали самой важной попытке борьбы за социализм в Испании с тех пор, как в 1939 году предыдущая была подавлена. Ошеломленный таким неожиданным поворотом дела, министр пробормотал что-то о дружбе народов и быстро сменил тему. Министр, конечно, поступил в полном соответствии с занимаемым им во властной иерархии статусом, и его комментарии в значительной степени соответствовали политике Кремля и всего коммунистического блока.

Лоренцо успокоился уже в Париже. Спустя небольшой промежуток времени он вышел из Коммунистической партии и вернулся в Испанию, едва избежав участи многих своих товарищей, которые, рискуя сгореть от американского напалма дотла, продолжали бороться против правых диктатур в Латинской Америке. Однако между сменявшими друг друга американскими администрациями, убивавшими друзей Лоренцо в их убежищах в джунглях, и самим Лоренцо имелось любопытное сходство: у них было схожее представление о Советском Союзе и коммунистическом блоке. Правительство США, Лоренцо и большинство ученых видели в советском блоке идущий за высокими стенами эксперимент, отдельный мир, который встречался с остальным миром в основном в пространстве идей. И в этом качестве, действуя за пределами своих границ, он мыслился неизменно идеологичным, ставящим свою мессианскую миссию выше грубых финансовых проблем — над идеологическими интересами могли время от времени преобладать только политические соображения безопасности и выигрыша в великих геополитических играх. Таким образом, сторонники и противники коммунизма разделяли одно и то же, имевшее мало отношения к реальной политике и даже риторике чиновников коммунистических режимов представление о коммунистическом блоке. Торговля как способ достижения мира и смягчения напряженности времен холодной войны казалась Лоренцо — и фактически была — ужасным предательством. Указанные выше соображения звучали для Лоренцо, правительства США и нескольких поколений западных ученых циничным оправданием, непременно скрывающим что-то более разрушительное.

В этой книге утверждается прямо противоположное. Польский министр апеллировал к истории торговой политики СССР и Советской империи после Второй мировой войны¹. Западные люди, относящиеся к разным частям политического спектра, разделяли

¹ Польша, увы, не рассматривается в данной книге, хотя можно предположить, что ее коммерческая политика соответствовала советской и, возможно, за ней стояло более сильное желание к интеграции в либеральный мировой порядок.

представление о строго биполярном характере послевоенного международного порядка. Эта убеждение является важной составляющей западноевропейского и североамериканского нарратива, позволяющего западным людям понять самих себя и мир вокруг них, — только такое распределение глобальной власти могло объяснить вполне реальное разделение Европы. Неотъемлемой частью конструкции биполярности является представление об СССР как об автаркии. Эта часто непроговариваемая, но фундаментальная предпосылка любого анализа Советского Союза позволила создать две различные, но связанные между собой идеологические конструкции. С одной стороны, автаркия лежала в основе предложенного советологами нарратива антилиберальной по своей сути страны, являющейся результатом чисто идеологического предприятия (это объясняет использование термина «советский эксперимент»). В основании тоталитарной парадигмы, определившей образ СССР в западных академических кругах и обществах в целом, лежало как раз такое представление об автаркии: только полное отделение от мира могло увести страну так далеко от более естественного либерального курса, который служит нормативным ориентиром для исторического развития². Однако идею автаркии с энтузиазмом подхватили также и представители левой части политического спектра: восприятие Советского Союза как эксперимента подкрепило их убежденность в том, что именно там происходят процессы, не запятнанные коммерциализированным эксплуататорским капитализмом западных обществ. В смежной области исследований холодной войны понятие автаркии помогло ученым построить нарратив, который требовал четкого разграничения двух лагерей.

² Хорошим путеводителем по тоталитаризму как концептуальной рамке исследований является книга Э. Глисона [Gleason 1995]. Самым свежим вариантом этого нарратива является модернистская парадигма, которая, по крайней мере, помещает СССР в более широкий общеевропейский контекст, но трактует его как максимально отталкивающее воплощение логики Просвещения по причине его нелиберального характера и дистанции, отделяющей СССР от господствующего либерального порядка. Первым и лучшим образчиком этого направления исследований является статья С. Коткина [Kotkin 2001].

Власти США, прежде всего Государственный департамент, действовали исходя из этого требования и оправдывали им внешнеполитический курс Америки, часто опираясь на невежество, расистские установки и цинизм (см. Гватемала около 1954 года). В исследованиях холодной войны указанные допущения не подвергаются критическому анализу; биполярность по-прежнему остается названием игры, а автаркия — ее по большей части непризнанной основой.

Проблема заключается в том, что тезис о Советском Союзе как автаркии ложен. Он не подтверждается статистическими данными. Он неверен с точки зрения четкой логики политического целеполагания советского руководства. Используя для анализа внешней торговли не представленные в ее официальной статистике и конвертированные по официальному курсу в рубли, а используемые внутри страны цены на товары внешней торговли, экономист В. Тремль подсчитал, что доля внешней торговли в национальном доходе увеличилась в 1960–1975 годы с 12 до 21 % и уже в 1980 году составляла примерно 27 % (см. рис. 1). Другими словами, Советский Союз был автаркией уровня Японии, которая два десятилетия спустя, следуя тем же самым путем, перешла от практически полного соответствия упомянутому статусу в начале 1950-х годов к более глобализированной экономике³.

СССР послевоенной эпохи был гораздо более зависим от мировой экономической конъюнктуры, чем другие вписанные в глобальную капиталистическую систему крупные страны — такие, как США, Бразилия, Индия, а к концу 1970-х годов даже Япония. Но наводящие на размышления цифры Тремля не были приняты во внимание — эти данные не могли быть интегрированы в существующие метанарративы «советского эксперимента».

³ Япония вошла в послевоенную Бреттон-Вудскую эпоху, находясь в состоянии крайней зависимости от США, что объясняет более высокое соотношение торговли к ВВП на раннем этапе. Встретила же она конец этой эпохи менее глобализированной, чем СССР, соотношение торговли к ВВП которого, согласно расчетам В. Тремля, к 1980-м годам должно было составить 30% [Trembl 1983: 35].

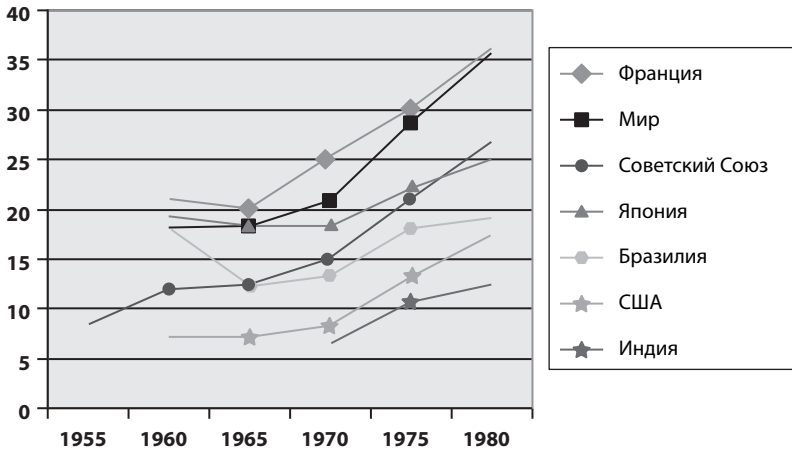


Рис. 1. Доля торговли в национальной экономике
 Источник: [Тремль 1983: 35].

Исследователи, за редким исключением, игнорировали опубликованную более сорока лет назад работу Майкла Дохана, в основе которой лежал тезис о быстром росте советских экономических отношений в 1960–70-е годы [Dohan 1969]. Ее автор утверждал, что автаркия 1930-х годов была не политическим выбором, а результатом Великой депрессии. Книга, которую читатель держит перед собой, призвана развить идеи, заложенные в блестящем исследовании американского ученого. То, что советская экономика во все времена ее истории была в значительной степени встроена в глобальные экономические структуры, является фактом. Была ли это система золотого стандарта, Бреттон-Вудская система или пост-Бреттон-Вудская квазисистема, которая структурировала международные экономические и политические отношения, Советский Союз был по большей части задействован в тенденциях и злоключениях глобального финансового и коммерческого обмена — а то и в глобальном финансовом и коммерческом управлении, в котором доминировали гораздо более богатые страны Западной Европы и США.

Отчасти права была только одна группа ученых: экономические советологи. Действительно, экспорт продукции страны был

большой проблемой для советской системы. Капитаны советской индустрии не хотели в нем участвовать. Причины этого еще до конца не изучены, но для того, чтобы ответить на вопрос почему, вероятно, необходимо исследовать проблемы, с которыми столкнулся бы руководитель (всегда мужчина), чье предприятие было бы выбрано для экспортных поставок. Подобная неприязнь к экспорту принуждала Кремль реквизирировать продукцию и выводить ее с промышленного черного рынка (еще одна чрезвычайно важная область советской экономической жизни, о которой мы мало знаем). Поскольку промышленный черный рынок помогал красным менеджерам справляться с давлением плана, экспорта следовало избегать любой ценой. Но, конечно, это только половина истории советской торговли. Другая половина — это импорт, которого Советский Союз жаждал, вероятно, больше, чем другие, более либеральные страны. Это было частью хорошо известного феномена советской экономической системы: предприятия накапливали ресурсы, а затем требовали еще, чтобы, как уже говорилось, уменьшить давление требований Госплана⁴. Но там, где система находилась в противоречии с миром за пределами советских границ, у Кремля таких противоречий не было. Результат направленной на интеграцию сознательной политики советского руководства очевиден: советская экономика, бывшая поначалу автаркией, затем глобализировалась примерно в той же степени и примерно в течение того же промежутка времени, что и экономики других стран.

Если советская торговля осуществлялась вне рамок свободного глобального рынка, это происходило не потому, что, как принято считать, политические интересы в большей степени определяли поведение советского руководства, чем коммерческие. Политика, безусловно, вмешивалась в советскую торговлю, но чаще всего в форме ограничений, накладываемых американским правительством через такие институты, как Координационный комитет (CoCom) по многостороннему экспортному

⁴ Это системное противоречие (ирония!) исследуется в статье О. Санчеса-Сибони [Sanchez-Sibony 2010].

контролю в промышленно развитом мире, или через скрытые и явные угрозы коммерческому благополучию неиндустриальных стран. Именно стремление к снятию этих созданных американцами ограничений определило действия советского руководства в области торговли в течение первых двух десятилетий торговой экспансии СССР. Это важный момент, который необходимо понять и усвоить в процессе анализа советской внешней политики. В посвященной холодной войне литературе слишком много внимания уделялось краткосрочным политическим решениям, принимаемым во время горячих фаз этой войны, а не уровню понимания советской элитой — часто близкого к полному — политических и экономических реалий, которые ограничивали их действия и определяли долгосрочную политику.

В этой книге предпринята попытка реконструировать мировую финансовую и коммерческую систему, определившую границы советской внешней политики. Но ее цель не сводится лишь к демонстрации того, что историки холодной войны называют «экономическим аспектом» холодной войны, или доказательству того, что экономика каким-то образом превосходит политику. Скорее, автор разделяет точку зрения о том, что экономическое развитие ограничивает и делает возможной определенную политику — во всяком случае, в той же мере, в какой политика ограничивает и делает возможной разработку определенного экономического курса. Взаимодействие первого и второго породило мировоззрение и ложные представления политиков, часто подводимые историками холодной войны под категорию «идеология». Эта категория отсылала к доктринальным текстам и негибкому мышлению, признаваемому в качестве характеристики советского человека, но редко приписываемому невинным американцам за рубежом. Все вышеуказанное не противоречит тому, что некоторые идеи в Советском Союзе были совершенно автономными и довольно неизменными. Например, советские политики явно предпочитали импорт товаров производственного назначения (станки, корабли, кабели и т. д.) импорту потребительских товаров, которые промышленно развитые страны часто пытались продавать в Советском Союзе. Причина, по которой

это происходило, не имеет ничего общего с предпочтениями, сформированными экономическими стимулами и конъюнктурой, и, вероятно, связана с представлениями об эксплуатации, привилегиях и нецелесообразных тратах, порожденными способами мышления, сложившимися задолго до прихода большевиков к власти. Можно было бы назвать это представление марксистским, объяснить его возникновение работой кремлевской идеологии, но такое предположение нужно согласовать с тем фактом, что слишком многие немарксисты во всем мире это представление разделяли. Подобные же вещи можно утверждать и в отношении идей (например, планирования), которые обычно рассматривались как свидетельство приверженности Кремля бестелесной и абсолютной «марксистской идеологии».

В этой книге исследуется внутренняя логика и реальная практика советской экономической политики и то, как она менялась с течением времени вместе с мировой экономикой. Отправной точкой книги стали недвусмысленные и широко встречающиеся свидетельства — во внутренней переписке, хранящейся в архивах, в публичных выступлениях и во всех советских публикациях по этому вопросу — того, что автаркия не была желаемым состоянием для кого-либо в Советском Союзе. Советское руководство действительно осознавало ограниченную техническую базу страны и превосходство западной экономической мощи. Литература, посвященная холодной войне, демонстрирующая установки сотрудников Госдепартамента США, постоянно искажает эти две фундаментальные характеристики дискурса советского руководства. Вопреки свидетельствам, многие историки отстаивали тезис об эквивалентности интересов Запада и Востока. Холодная война в этой биполярной конструкции трактовалась как направленная на расширение своего лагеря игра, в которой выигрыш одного всегда равняется проигрышу другого. Но факт заключается в том, что советские экономические интересы имеют мало общего со стремлением к победе в конкурентной борьбе на выбывание, как это представляется большинству историков (воспроизводство такого видения ситуации — заслуга не только исторического, но и советского идеационного дискурса). Скорее,

фактические экономические отношения страны в значительной степени характеризовалась соглашением и сотрудничеством с Западом и поиском элементарного доступа к рынкам глобального Юга.

Для понимания этой коммерческой политики необходимо сначала осознать, в какой степени советские успехи в области физики (запуск спутника и разработка ядерного оружия) и экономический рост в 1950-х годах маскировали относительную экономическую недоразвитость. Этот момент игнорируется в большинстве исторических монографий о холодной войне. Показательно, что те немногие историки, которые признают советскую экономическую реальность, вместе с тем отвергают идею о том, что распределение материальных ресурсов в значительной степени влияет на распределение глобальной власти. В «Кембриджской истории холодной войны», например, историк О. А. Уэстад пишет:

Хотя возможности СССР превосходили возможности Великобритании и Франции, но не Соединенных Штатов, милитаризация советской экономики и ее общества сделали его грозным противником в международных делах. В первую очередь, Советский Союз являлся второй сверхдержавой вследствие своей оппозиционной идеологии: он был единственной великой державой, которая на протяжении всей холодной войны решительно противостояла целям США и отказывалась интегрироваться в мировую капиталистическую экономику. Поступая таким образом, он играл главную роль в международных делах, что со временем дорого обошлось его развитию [Westad 2010: 11]⁵.

⁵ Эта критика присущих подходу Уэстада акцента на идеологии и отрицания варьируемого значения относительной отсталости Советского Союза не имеет целью смешивать его научные изыскания с изысканиями других исследователей, которые не хотят признавать ограничения советской системы, обусловленные ее экономической слабостью. Кембриджское многотомное издание, редактором которого был норвежский ученый, достойно похвалы за включение в него взглядов, идущих вразрез с актуальной позицией Уэстада по этому вопросу. Например, в помещенной в том же томе статье Ч. Майер утверждает, что «различия между социализмом и капитализмом

Поразителен тот факт, что об экономике забывают, когда дело доходит до оценки советской глобальной мощи. Конечно, У. Б. Ладен доказывает правоту тезиса Уэстада о скрытом потенциале простого акта противостояния. Замыкая логический круг, Уэстад выдвигает тезис о наличии советской автаркии (отказ СССР «от интеграции в глобальную капиталистическую экономику»). Но представление о ее существовании ошибочно⁶. Не нужно ли историкам, пишущим о холодной войне, примириться с реальностью советской экономической отсталости, чтобы выдвигать взвешенные суждения о соперничестве «сверхдержав»?⁷

казались фундаментальными для идеологической идентичности и внутри-блокового единства в 1950-х годах» [Maier 2010: 44]. Автор этой цитаты рассматривает идеологический конфликт скорее как вопрос дискурса, чем практики, трактует проводимую той и другой стороной внешнеэкономическую политику как политику в большей степени конвергентную, чем допускают Уэстад и значительная часть исследователей холодной войны. Цитата Майера подводит нас к другой теме, практически не раскрытой в этом томе, но подробно разработанной М. Калдор: идеологический дискурс холодной войны, постоянно напоминающий о двухстороннем военном конфликте, скорее служил инструментом сплочения и подчинения внутренней аудитории в Америке, Европе и Советском Союзе, чем средством завоевания умов и сердец за рубежом. Последняя не отстаивает тезис о том, что борьба за сердца и умы иностранцев не существовала и даже была бессмысленна, — она лишь полагает, что вышеупомянутый дискурс в меньшей степени ориентирован на международную аудиторию, что, по крайней мере, советское руководство часто признавало, находясь за границей. См. [Kaldor 1990].

⁶ Его настойчивые утверждения о власти идей вызывают недоумение. В своей блестящей и безусловно важной работе Уэстад [Westad 2005] совершил сомнительный нарративный подвиг, соединив в рамках одного тома дискурсивный исток холодной войны, исключая роль (способность к накладыванию ограничений и организации) экономики, со структурной развязкой холодной войны, которая предполагает ее.

⁷ Э. Уильямс уже давно акцентировал внимание на ограниченности советской власти. Он писал: «Мы постоянно подчеркивали военную мощь Советов, в связи с чем поразительным представляется тот факт, что основная проблема, стоявшая перед всеми прошлыми и нынешними русскими лидерами, заключалась в том, что они были вынуждены постоянно иметь дело с неустойчивостью экономического и политического развития страны. История как царской, так и советской России представляет собой летопись непрерывной, упорной борьбы за достижение минимального уровня материаль-

Немало страниц этой книги посвящено экономической вовлеченности Советского Союза в дела глобального Юга. Однако автор полагает, что реальной целью советских коммерческих и экономических устремлений была Западная Европа (и в некоторой степени Япония). В свидетельствующих о холодной войне источниках наблюдается смещение фокуса внимания к глобальному Югу⁸. Это смещение обосновывается следующим аргументом: с возведением Берлинской стены (этого великого символа советской автаркии) холодная война в Европе остановилась, после чего советская и американская энергия были перенаправлены на юг⁹. В действительности холодная война в Европе продолжалась, особенно в коммерческой и финансовой сферах. Но поскольку в погоне за химерой идеологии историки холодной войны перестали признавать важность торговли и финансов, они посчитали необходимым переключить внимание с Европы после возведения там Берлинской стены на глобальный Юг. Кроме того, представляется проблематичным сохранение нарратива холодной войны о биполярном противостоянии в европейском контексте, в котором советская власть демонстрирует готовность к поиску компромисса и желает достижения минимальной степени интеграции. В данном случае европейский контекст действительно более важен, чем контекст глобального Юга, и исключение его из господствующего нарратива о холодной войне после начала 1960-х годов затушевывает испытываемую американским истеблишментом неприязнь к советским экономическим инте-

ного благосостояния, не говоря уже об относительном процветании или настоящем богатстве» [Williams 1959: 280]. Александр Гершенкрон подсчитал, что накануне Первой мировой войны объем промышленного производства Российской империи составлял 6,9 % от объема производства Соединенных Штатов. См. [Gerschenkron 1974: 155].

⁸ Первый решительный шаг был предпринят Уэстадом [Westad 2005].

⁹ В выбивающейся из общего ряда книге Д. Сури [Suri 2003] стена трактуется как символ изменения цели политики. Речь идет о цели, заставляющей сверхдержавы сместить фокус внимания на внутренние проблемы. Это, безусловно, шаг в правильном направлении, поэтому его книга дисгармонирует с другими работами, относящимися к канону литературы о холодной войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru